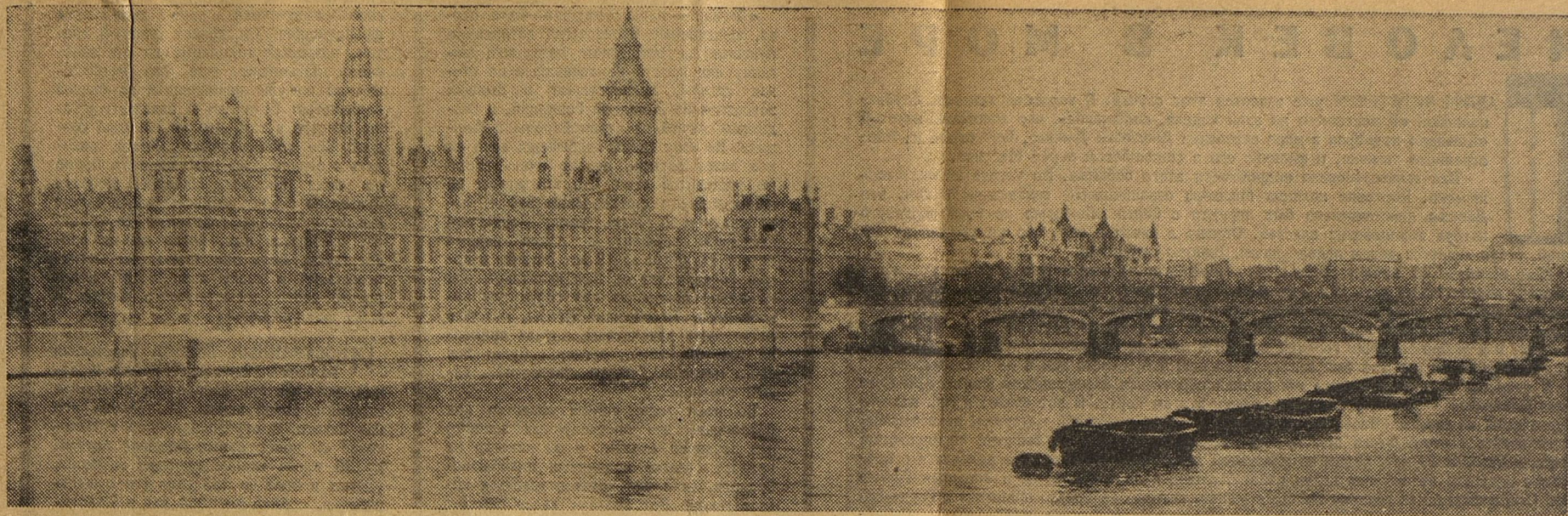

Константин ПАУСТОВСКИЙ

Я ТОЛЬКО ЧТО вернулся из Англии, но некоторые впечатления этой поездки настолько уже отстоялись, что о них можно писать. Хуже всего, конечно, писать по первому впечатлению. Тогда рисунок получается слишком резким, как сырая масляная краска на холсте. Все выпуклости еще сильно блестят. Они еще не смягчены дымкой времени и слабого забвения.

Дымка времени, очевидно, похожа на тот мягкий голубоватый туман, каким наполнены долины сельской Англии. Эта дымка придает величественные расплывчатые очертания дубовым рощам, навсегда покинутым Робин Гудом. Она сообщает темный и глубокий тон воде озер и замедленных рек, украшенных стадами лебедей. В этой дымке выглядят призрачными даже бесчисленные замки. Они как бы построены из поздравительной пемзы. Длинное время покрыло их стены старческим румянцем. Кажется, что такой замок можно легко поднять и поддержать на ладони.

В Англии время почему-то кажется спокойным, несмотря на то, что история страны полна тревог и кровавых событий.

Сейчас в Лондоне* пескоструйными насосами смывают со старых зданий черноту времени — патины истории. Иным это нравится, иным нет. По-моему, светлый, как бы восковой, Лондон приятнее недавнего черно-белого и несколько траурного города.

Англия оказалась страной неожиданной. Первая встреча с ней сразу же разрушила мои привычные представления, сложившиеся еще в юности и несомненно связанные с временами Констебля, Вальтера Скотта и Чарльза Дикенса. Вместо багрового тумана — «смога» Лондон был залит океаническим воздухом и вполне респектабельным солнцем. Даже громада собора святого Павла представлялась в этом воздухе перенесенной сюда из Флоренции. Неожиданным оказались и англичане — шуточные, простые и обязательные люди, обладающие вежливой точностью и хорошей памятью на свои обещания.

Но все же туман не исчез из Лондона. Как-то мы разговорились о тумане с шофером такси, и он, подумав, сказал:

— Если хотите увидеть наш знаменитый туман, то я заеду за вами в гостиницу поздним вечером и отвезу вас на тот берег Темзы («тем берегом» он называл правый берег реки). Оттуда вы увидите Парламент и Вестминстерское аббатство в тумане, таком красном, как натертый кирпич.

Вечером мы вышли из такси и облокотились на мокрый гранит набережной. На Темзе начался прилив, и длинные барки уже не полужелили на илистом дне, а покачивались на взволнованной воде вместе со множеством неярких речных огней. Перед нами в легучем дыму, неведомо откуда струившемся вдоль Темзы и неведомо откуда подсвеченном тяжелым красным пламенем, величественно плыло каменное привидение Парламента. И гулко, на весь Лондон, казалось, на весь «туманный Альбион», забрызганный холодными атлантическими приборами, били башенные часы Биг-Бен.

В гостинице я часто просыпался среди ночи, но не зажигал огня, чтобы посмотреть на часы, а ждал боя Биг-Бена. И каждый раз у меня сжималось сердце от чувства затерянности в чужой и не всегда понятной стране, от ощущения бесконечно уплывающей, как ночная вода, тугой темноты. Куда уходит время? К какому концу? К какому пределу?

Чтобы уснуть, я начинал вспоминать по старой привычке разные стихи. Сначала Верхарна: Вокзалов едкий дым, где светится мерцаньем, Серебряным огнем скорбь газовых рожков, Где чудища тоски режут по расписаньям. Под беспощадный бой Вестминстерских часов...

Или печальные стихи о старом Сити:

Когда пронзительнее свиста
Я слышу английский язык,
Я вижу Оливера Твиста
Над кучами конторских книг.
У Чарльза Дикенса спросите,
Что было в Лондоне тогда, —
Контора Домби в старом Сити
И Темзы жеттая вода...

В конце концов мне удавалось уснуть, но сон был непрочен, как проблеск английского утра, что зарождалось в сумраке ненастных берегов.

В БРИТАНСКОМ МУЗЕЕ я рассматривал акварели знаменитого английского мариниста Тернера и был поражен множеством аспектов низкого ветреного неба и дождевых облаков, заполнявших

ОГНИ ЛА-МАНША

АНГЛИЙСКИЕ ЗАМЕТКИ

его гениальные картоны. Нет, не слишком уютной была жизнь на этом острове, куда заплескивали ненастья всего нашего полушария!

Но, повторяю, нам повезло, и страна, согретая октябрьским солнцем, как бы улыбалась про себя чужестранцам, пораженным теплотой и сочностью ее светло-зеленых пастбищ и садов. В маленьком палисаднике в Лондоне, стиснутом черными глянцевиными кирпичами, я видел созревающий инжир — совсем как у нас в Крыму, где-нибудь на окраине Ялты. В Стратфорде в саду жены Шекспира Анны Хэттауэй — очень светлом и небогатом — пахло свежо и нежно неизвестными, должно быть, тропическими цветами. Этот запах спящего столетиями сада проникал в светлые деревянные комнаты дома и смешивался с запахом старой английской полировки. Лестницы в этом доме скрипели беспомощно и жалобно под ногами туристов, будто говорили с укором: «Зачем вы толчетесь там, где проходил Шекспир! Вы же знаете, что по своей скромности и детской застенчивости он уступает вам дорогу на узких поворотах и очень смущается при виде бородатых босых битников и извивающихся молоденьких леди с руками, глубоко засунутыми в карманы коротеньких брюк».

Может быть, я неправ, считая Шекспира таким застенчивым. Но самая обстановка Стратфорда-на-Эйвоне располагает к такому представлению. Во всяком случае я уверен, что Шекспир смутился бы, встретившись с Бернардом Шоу. Этот решительный и ошеломляющий ирландец кого угодно мог поставить в тупик.

В Англии я все время как бы примеривал страну к Бернарду Шоу, но он не очень в ней помещался. Ему было тесно. Его насмешливый ум требовал вольных прыжков. Но чем дольше я жил в Англии, тем яснее становилось, что Шоу — подлинный великий англичанин по своей внутренней сути, по своей ястребиной мысли, неумолимому сарказму и непрерывным взрывам. Это был «пороховой заговор» в одном лице. Взрывы его иронии и мысли можно было ждать в любую минуту дня и ночи. Любая строка могла взлететь на воздух и надолго восхитить вас или ошеломить.

Спектакль Шекспира («Генрих Пятый») в Стратфордском королевском театре — в новом здании, которое как бы охраняют среди затененной реки эскадрильи невозмутимых лебедей, — был несколько странен. Он казался нам, чужестранцам, несколько странным и не совсем реальным, подобно холодноватым и туманным улицам этого городка, его пустынно уюту и увядшей черной розе на паперти церкви, где похоронен Шекспир. Спектакль о короле — завоевателе Франции был несколько странен потому, что бурное, всегда на границе гнева и горя, шекспировское действие, пыл героев, их горячность, слезы и смех были как бы заперты наглухо в стенах театра, где голубоватого и спокойно светились, исполняя свой долг, дежурные лампочки, и зрители — вежливые и сдержанные — почти не аплодировали самой превосходной игре.

В этом театре вот в такую обманчиво тихую ночь надо бы увидеть великую трагедию Шекспира о леди Макбет — трагедию предательства, крови и женской красоты, запутанной в преступлениях. Я подумал об этом и невольно вспомнил стихи нашего прекрасного писателя и поэта Бориса Лавина, героически погибшего во вторую мировую войну. Вспомнил его удивительные стихи, чем-то неуловимо, но крепко связанные с Англией, с Шекспиром:

Солдат, учись свой труп носить,
Учись дышать в петле,
Учись своей кофе кипятить
На узком фитиле,
Учись не помнить серых глаз,
Учись не ждать небес,
Когда придет твой смертный час,
Как твой Бирнамский лес.

На обратном пути из Стратфорда в Оксфорд меня преследовал этот образ Бирнамского леса, — он шел на нас, он злобиво возникал в ночной мгле громадами своих качающихся черных вершин, он угрожал железным скрежетом листьев, трещащей от атлантического ветра. Только в Оксфорде среди спокойствия колледжей и благожелательных ученых

эта греза прошла — нет, Бирнамский лес еще не двинулся!

Из Стратфорда мы возвращались в Лондон через Оксфорд и заночевали в этом древнем университетском городе, похожем на большое, вымощенное плитами подворье монастыря.

В гостинице было безмолвно, светло, стены ее были затянуты тонкими выцветшими коврами. В уютном холле смущенно краснел электрический камин и успешно боролся с пронизывающим холодом ночи. Мы вспоминали названия старинных харчевен, встреченных в дороге, и почему-то радовались этим названиям, как будто взятые из романов Стивенсона или Вальтера Скотта: «Глаза оленя», «Крикливый петух», «Пивная пена». Радовались, очевидно, потому, что давно не встречали таких старомодных и добродушных названий.

В харчевнях с такими названиями должно было быть сухо, светло, пахнуть вереском или лавандой, должны были ярко гореть, источая лучистую теплоту, старые керосиновые или газовые лампы, а к ужину поджаривалась на очаге жесткая свинина.

Англия несколько старомодна. Особенно это заметно в одежде среднего англичанина, лондонского клерка. Когда в «столице клерков» Сити кончается работа, все улицы внезапно отодвигаются во времена Теккерея и Питта. Тысячи клерков, одинаково одетых, в одинаковых черных костюмах, одинаковых черных котелках, с одинаковыми черными, туго свернутыми зонтиками в руках, бодро расходятся по домам, и кажется, что у них в карманах позванивают шиллинги, а у иных, наиболее бедных, даже фартинги, на которые ничего, собственно говоря, нельзя купить.

Сложность английской денежной системы может привести в отчаяние. Почему фунт стерлингов делится не на десять, а на двадцать шиллингов, а шиллинг делится на 12 пенсов, — и неизвестно, и непонятно. Почему в пенсе четыре фартинга? Каково достоинство фартинга, вы сможете понять, пожалуй, лишь в том случае, когда вам в сердцах скажут, что ваша паршивая жизнь не стоит и одного фартинга.

Так вот, есть Сити, где в тусклых стенах банков и контор медленно вращаются, позванивая в сейфах, несметные, накопленные веками богатства Англии.

Однажды с императора вишнево-красного автобуса я с радостным изумлением увидел в Сити узкий дом, похожий на коробку от сигар, поставленную «на попа», с вывеской на фасаде «Домби и Сын».

НЕЛЬЗЯ, конечно, думать, что в этом беглом очерке о внешних чертах Англии можно хотя бы в сотой доле исчерпать тему этой поездки. Нужно еще написать о многом, но прежде всего о людях — от блестящих профессоров Оксфорда до не менее блестящих шоферов и матросов. Эти строки — это отрывки, первые впечатления. И одно из сильнейших впечатлений — английский ландшафт.

К Оксфорду мы подъезжали к вечеру. Над очень пологими, волнистыми холмами Англии разгорался закат. Такого я никогда не видел в жизни. Он был необыкновенного тускло-желтого и приятного цвета, без всяких оттенков, как одна огромная небесная пелена. Если бы это сравнение не казалось искусственным, то я сказал бы, что закат над Оксфордом носил цвет спелого банана. Сквозь него кое-где просвечивал тоненький свет звезд. Куши дубов и вязов, огромных, как библейские шатры, возникали на этом закате, и это походило на фантастическое траурное шествие деревьев.

Дали Англии окрашены так воздушно, будто они нанесены на фарфор самой тонкой кистью и самой светлой краской. И всюду среди рощ, полей и дорог часто цветут шиповник и репейник — герб Англии.

Ландшафты Англии наполнены тускло светящимся воздухом. Это обстоятельство должно было вызвать к жизни художника, который стремился бы передать этот воздух родной земли. И такой художник появился. Это был Уистлер. Он наполнил Англию блеском прибрежных вод, красками гаснущего заката, голубизной морских затиший, разгорающимся к ночи широким сиянием огней и их отражений в неподвижных портовых затонах.

Таков пейзаж Англии. Но не всегда. Иной раз в нем полыхает червонная медь, бронза, пурпур и злобный мрак океанской ночи. В таких красках возни-

кает Англия на картинах Тернера — гениального художника, скитальца морских берегов. Я невольно завидую ему. Скитаться по берегам Англии — занятие порой веселое, а порой и грустное. Я испытал его, и то чуть-чуть, только на берегах Темзы и около ее устья. Но и этого оказалось достаточно, чтобы увлечься изучением «туманного Альбиона».

От Вестминстерского аббатства до городка Гринвича (где проходит первый меридиан) ходят речные катера. С их палубы открывается медленный разворот Темзы от города до доков, до чудесного и тихого Гринвича, где таверны тянутся живописными рядами, перемежаясь с классическими зданиями знаменитой обсерватории, морского колледжа, морского музея и госпиталя.

Сидеть на висящей над Темзой террасе таверны — одно из интереснейших занятий в мире. Нужно только пить кофе, пряный чай, виски или кока-колу и смотреть. Смотреть, и перед вами, как на волшебной ленте, пройдет мировая морская дорога — непрерывная цепь океанских кораблей, лайнеров, корветов, угольщиков, лесовозов и нефтевозов, буксиров и парусников с такими высокими мачтами, что они режут верхушками пелену низких облаков.

— Вот смотрите, — сказала нам хозяйка таверны «Яхта», француженка из Лиона (глаза ее блестели действительно, как в кипучем Лионе), — идет корабль под вашим советским флагом. Очень красивый мужчина. Смотрите!

По Темзе, закрывая далекий берег Сити, величаво проходил мимо башен Тауэрского моста белоснежный «красивый мужчина» — гигант-лесовоз «Мезень-лес» с надстройками и широкой трубой, вынесенными на корму.

Матросы за соседним столиком стали махать кепками. «Рашн, рашн!» — кричали они и приветливо улыбались нам. «Мезень-лес», медленно разворачиваясь по изгибам реки, ушел в отдаленный дым, к родным нашим северным берегам.

Потом мы бродили по ярко-зеленым, будто весенним (несмотря на октябрь) паркам Гринвича. Голуби садились нам на руки и заглядывали в глаза, выпрашивая зерна. Работяги буксирные гнали перед собой легкую волну, и было слышно, как в старых домах корабельные часы отбивали мерные удары. Тишина прошлого стояла над знаменитым Гринвичем.

В АНГЛИИ я видел много людей разных профессий и классов — от строительных рабочих, собиравших против наших окон в гостинице огромный дом, как собирают часы, до герцога Веллингтонского, и от доброго и скромного издателя Коллинса до милого одиннадцатилетнего мальчика-лифтера Роджерса. Я никак не мог привыкнуть к тому, что он вправду служит и отдает заработок матери.

Уезжая из Англии, я по просьбе радиокомпании Би-Би-Си сказал по радио несколько прощальных слов и упомянул о Роджерсе. Это вызвало большое оживление среди мальчиков-лифтеров и посыльных в районе Сент-Джеймс-стрит и Риджент-стрит, а Роджерс решил по этому случаю привести в порядок свои вихры и вымазал их целой банкой бриллиантина. Это несколько не помогло, вихры по-прежнему стояли у Роджерса дыбом, но он был счастлив.

Нигде, как в Англии, я не видел такой вышуклой разницы между людьми разных классов. Это расслоение сразу же бросалось в глаза даже самому равнодушному человеку.

Прямой поезд Лондон — Париж отошел из Лондона с вокзала Виктория поздно вечером. В Дувре море хлестало в набережные. Вагоны вкатили на нижнюю палубу парохода-парома, закрепили цепями и канатами. Молодой полисмен сообщил, что нам повезло: только сегодня закончилась забастовка команд буксирных пароходов, а то мы бы просидели в Дувре неизвестно сколько дней. Беседуя с нами, полисмен поигрывал тонкими никелированными наручниками и все норовил показать на любом желающем пассажире, как они захлопываются. Но желающих для этого опыта не находилось.

Ночью вагон качало. В Ла-Манше бушевал шторм. Вагон испуганно лязгал, дергался, трещал, звенел буферами и, казалось, собирался вот-вот броситься за борт. А в борт упорно колотили холодные негостеприимные волны.

Среди ночи в каюту ко мне постучал стюард.

— Извините, сэр, — сказал он мне, — но вы рискуете проспать огни Ла-Манша и огни Дюнкерка.

Я понял, что это, должно быть, новая традиция, возникшая после мировой войны, — смотреть на огни Ла-Манша и Дюнкерка. На огни города, где произошла величайшая военная драма, где была окружена гитлеровцами и сброшена в море английская армия.

Ее удалось спасти. Все, что могло плавать, было брошено в Дюнкерк на спасение людей. Берега Ла-Манша были покрыты тысячными толпами, вылавливавшими из воды оглушенных и полузадохшихся людей. Корабли подходили к мелким местам английского побережья, но не останавливались, а тотчас разворачивались и с ходу шли обратно в Дюнкерк за новыми отрядами людей. Солдаты сотнями прыгали с палуб в воду и добирались до берега по горло в воде. Им бросали канаты, круги, доски.

Я вышел на палубу и невольно отступил: из крошечного мрака, со стороны Европы, плыли навстречу нашему пароходу ослепительные горы сверкающего хрусталя, тысячи бессонных пульсирующих огней. Навстречу плыл белый исполинский пожар, охвативший весь горизонт.

Это и были невиданные огни Дюнкерка и Ла-Манша, пылавшие, как неопалимая купина, в том месте, где сгорели от чудовищных бомбежек полки молодых англичан.

Вокруг меня на палубе молча стояли люди и неподвижно смотрели на эти огни — неугасимые огни над могилами тысяч неизвестных солдат.

Я оглянулся. Маяки Ла-Манша горели напряженно, пристально вглядываясь в туман, за которым, как за крепостной стеной, лежала Англия.

Фото В. Ахломова.